IMPERIUM VS ETAT NATION? К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ИМПЕРИЯ» И «ГОСУДАРСТВО»

Рогов И. И.

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Южно-Российского института-филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70, ауд. 805, rogov.skags@narod.ru

УДК 321
ББК 66.033.12

Цель. Определить, можно ли в отношении имперских политических систем использовать понятие «государства» и если да, то к какому типу государств относятся империи.

Методы. Историко–сравнительный, структурно–функциональный. Опираясь на принципы системного подхода, автор применяет методы анализа, синтеза, оценки, сопоставления и сравнения.

Результаты. Проводится обзор научных дискуссий в сегменте языка политической философии в отношении сущности «государства» в их применимости к предмету исследования империй. Дана ретроспектива понятия «государства», как оно трактовалось в отечественной мысли в постсоветский период. На целевой вопрос дан положительный ответ. Предложена классификация.

Научная новизна. Автор приходит к выводу, что империя является «государством», если последнее трактовать преимущественно через административный институт. Однако империи как государства типологически отличаются от остальных видов государств, в частности – национального государства.

Ключевые слова: империя, государство, национальное государство, колониальная империя, политический язык, политическая философия, администрирование, суверенитет, легитимность.

IMPERIUM VS ETAT NATION? ON THE QUESTION OF CORRELATION OF NOTIONS “EMPIRE” AND “STATE”

Rogov I. I.

Candidate of Science (Philosophy), Assistant Professor, Assistant Professor of Sociology Department of the Southern-Russian institute-branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), room 805, 70 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia, 344022, rogov.skags@narod.ru

Purpose. To determine if it is possible to use the notion of “state” in relations of empire political systems and if yes, to what type of states empires can be referred.

Methods. Historical-comparative, structural-functional. Based on the principles of a systematic approach, the author uses methods of analysis, synthesis, assessment, correlation and comparison.

Results. The author reviews scientific discussions in the segment of the political philosophy language towards the essence of “state” in their application to the subject of research of empires. The author also gives a retrospective of the notion “state” as our national scientists explained it in the Post-Soviet period. The author gives a positive answer to the main question and offers his own classification.

Scientific novelty. The author concludes that the empire is a “state” if we explain the latter mainly though administrative institute. However, empires as states differ typologically from other types of states, in particular – national state.

Key words: empire, state, national state, colonial empire, political language, political philosophy, administration, sovereignty, legitimacy.

© Рогов И. И., 2015

Рогов И. И.

В истории политической науки имели место обоснования различных исторических видов государств: государства полисного типа, феодальной монархии, современного национального государства и проч. Однако один вид государств – империи – так и не получил серьёзного научного обоснования, и, более того, существуют серьёзные сомнения, можно ли вообще называть «империю» «государством». В данной статье поставлена цель выявить существенные, концептуальные позиции, по которым можно было бы ответить, государство ли империя, и если да, то какое.

Единого, общепризнанной в науке и закреплённой в праве дефиниции «государства» не существует. Его определяют через способность вступать в дипломатические отношения, через суверенитет, через аппарат принуждения и т. д. Это было подробно показано в работах таких учёных, как Б. Бади [3, с. 107], С. А. Бабурин [2, с. 143], Ш. Эйзенштадт [13, с. 25], Р. Нозик [10, с. 145], К. Скиннер [11, с. 200] и др. Однако, определённая генерализация всё же имеется. Термин «государство» употребляется в двух основных смысловых коннотациях. Первый – обозначает все исторические политические субъекты, которые когда-либо вступали друг с другом в дипломатические контакты, воины, торговые и прочие союзы, обладали верховной властью, армией, аппаратом принуждения, правовой системой, являлись государствами или считались таковыми [9, с. 234]. В этом значении понятие «государство» употребляется в обыденной коммуникации, в публицистике, в общей политологии и в общей истории. В этом значении «империя», конечно, государство. Точнее, специфическая разновидность государств.

Второй смысловое значение соотносит «государство» с конкретным историко-политическим субъектом – национальным государством Западной Европы эпохи Нового Времени, а точнее – периода с Вестфальских мирных договоров примерно до наших дней. «Национальное государство» – уникальный политический субъект, со своей собственной правовой и структурной спецификой [9, с. 239]. В этом смысле «империя», конечно же, не может быть «государством». Хотя из истории мы знаем, что в Новое Время сформировались могущественные колониальные империи, в структуре которых национальные государства, расположенные на территории Западной Европы выполняли функции центрального звена – метрополий, вся империя конечно же не может быть государством в его национальном контексте.

То есть, проблема состоит в том, что на уроне политико-правовой теории «национальное государство» и «империя» – несопоставимые понятия, а в истории и в политических процессах – ряд национальных государств, всё же выстроили специфическую имперскую структуру.

Исследование указанной проблемы может иметь множество аспектов, из которых в этой статье мы коснёмся нескольких, но центральных.

Первый из них – лингвистический. Он предполагает необходимость уточнить понятие государства, в котором помимо общего значения слов есть и конкретные языковые смыслы. Государство, оно же state (англ.), оно же Stato (итал.), оно же Staat (нам.), оно же Etat (франц.), оно же Estado (исп.). Все эти версии, происходящие от латинского корня, естественным образом друг с другом схожи. Схожи примерно и их смыслы. Однако, тот, смысловой объём, который на Западе обозначается термином state, это не совсем «государство» в русском языке [15, p. 255]. Для современного Запада State – такое государство, в котором власть ограничена конституцией, писаной или неписаной, и которая основывается на теории прав человека.

В работе профессора Лондонского университета Квентина Скиннера «Понятие государства в четырех языках» [11, С. 197] данный вопрос подробно проанализирован.

Слово «государство» кажется нам совершено привычным. Но его современный смысл, как и процесс становления есть результат лингвистической и политической инновации XIV–XV веков. И к Римской империи, утверждает профессор Скиннер, понятие «государства» неприменимо: там есть то, что римляне называют res publica: «общественная власть», «общее дело». Из всех институтов современного государства в Imperium Romanum имели место только налоги и армия. Латинское слово status, наряду с такими эквивалентами из национальных языков, как estat, stato и state, становится общеупотребительным в разнообразных политических контекстах и начиная только с XIV века. Lo stato – термин, используемый Макиавелли, во время его жизни ещё не означало «государство» в современном понимании. Макиавелли обозначил этим неологизмом – «Lo stato» новую для своего времени реальность – так называемые «новые монархии», которые мы, потомки, знаем под обозначением «абсолютизм» и «абсолютистские монархии». Правители этих монархий разрушали предыдущую систему социальной иерархии, рассматривая и высшую дворянскую прослойку и низшие классы как инструменты в достижении целей государственного механизма. Административная власть в эпоху, предшествующую жизни Макиавелли, то есть до Реформации, до кризиса феодализма, не могла быть названа «Lo stato», и не соответствовала этому понятию. Соответственно, империи, появившиеся в де–ренесансную, до–макиавеллевскую эпоху, не являются «Lo stato».

В русской истории наиболее близко соответствовали сущности «Lo stato» режимы Ивана Грозного и Петра Первого, которые ради своих политических

целей не считались ни с жертвами ни с методами, и, что показательно, вели себя с представителями всех социальных слоёв одинаково жестоко, как и, к примеру, Генрих VIII.

Как же термин status и его производные приобрели современный, и, главное – универсальный, общеупотребительный и единственный смысл? Скиннер, обращаясь к текстам XIII века, показывает, что всевозможные кондотьеры и прочие узурпаторы власти были озабочены удержанием собственного status principis – положение суверенного правителя, что было возможно при соблюдении двух принципиальных условий: стабильности политического режима и сохранении, а лучше – приращении территорий области или города-государства [11, с. 197]. В результате в общественном сознании термины status и stato закономерно начинают служить для обозначения территории.

Далее Скиннер утверждает, что современная трактовка государства восходит не к республиканцам, но к теоретикам светского абсолютизма конца XVI — XVII века (в частности, у Гоббса), приводя следующие аргументы. Классическая республиканская теория отождествляет государство и граждан, которые не «передают», а всего лишь «делегируют» свою власть правителям. Кроме того, в данной традиции терминам status и state предпочитаются civitas или respublica, которые, например, республиканец Локк передает по-английски как city или commonwealth [16, p. 327].

Но, и не зная о Скинере, из истории мы знаем о научной тенденции, имевшей место в конце XIX века, которая утверждала, что в эпоху национализма и империализма многонациональные и многоязычные государства – реликты трёх предыдущих веков – обречены на гибель, а будущее за крупными государствами с большими территориями, объединяющими однородные нации [6, с. 276]. На этой идее, которая сама являлась гибридом нарастающего национализма и экспансионистского империализма, во многом был построен Второй – кайзеровский Рейх, и, позже, конечно, Третий. Национализм и национальное государство мыслились как социально-политические единицы значительных размеров, склонные к доминированию в международной политике. Противопоставление их империям ещё не было актуально, и современники полагали естественным перетекание одной формы политической организации в другую [6, с. 89]. Лишь по результатам Второй Мировой войны произошло разграничение на собственно «национальные государства» и современные империи – сверхдержавы.

Каким же тогда государством следует полагать империю? Civitas, stato и state могут применяться лишь ограниченно: максимум – в отношении морских колониальных империй Нового Времени. Каждое из этих понятий может быть включено в имперскую структуру, но их логический объём империи не идентичен. Ситуация осложняется тем, что самих империи существовало несколько исторических видов: континентальные, колониальные, номадические. Сверхдержавы – термин, применимый и используемый последние 60 лет и сейчас.

Форма государств Запада Нового Времени – национальное государство – это такая организация политической власти, при которой власть ограничена правом, а сущность права рассматривается именно как свобода. В русском языке «государство» означает принадлежность, «нечто государево, государево достояние», но уж никак не такое публично-правовое состояние, которое было обозначено понятийным рядом «право» и «свобода». Это не значит, что один смысл хуже другого. Но в русском языке термин «государство» обозначает качество «принадлежности к» и отвечает не только на вопросы «что?», и «какое?», но и «чьё?».

Исторически в России государство как институт, никогда, за исключением краткого «ельцинско–горбачёвского» периода не противопоставлялось империи и как идее, и как организации [2, с. 376]. Логично и естественно, что в русском языке на терминологическом уровне «государство» может быть «империей», а может не быть, но уж точно не противопоставляет себя ей. Смысл этого возможного симбиоза но не противоположности заложен на лингвистическом, смысловом, архетипическом уровне языка, а значит, и коллективного бессознательного.

Второй аспект среди обозначенной проблемы состоит в самом «национальном государстве», точнее – в соответствии реальных национальных государств идеи национального государства как такового.

Теория национального государства создавалась для обслуживания реальности, сформированной Вестфальской системой международного права. Однако она никогда не удовлетворяла поставленной задаче: национальные меньшинства – суть реальность даже в классических национальных государствах Западной Европы [17, с. 136–161]. Не существует примера, когда государство средних размеров (не карликовое) этнически монолитно. Помимо этого, понятие «национального государства» постепенно усложнило своё содержание и слилось с понятием «демократического государства» или государства вообще [14, с. 276].

Современная разновидность национального государства – правовое государство. Теория правового государства такова, что не предполагает включение в список своих конкретных воплощений имперской административной единицы. Парадигмальные основания теории правового государства – теория общественного договора и концепция естественного права создавались без оглядки на имперскую реальность и даже в отрицании этого принципа [8, С. 135–406].

Рогов И. И.

Государство всеобщего благоденствия есть высшая форма развитого правового государства, хотя последнее и не обязательно приводит к первому. Империя – властная система, которая может быть основана на праве, понятом как свобода, а может и не быть, но точно не правовое государство современного мира. Её сложно идентифицировать через правовую терминологию. Существование правовых систем в имперских системах исторически неоднозначно. Первая из империй, осознавших самое себя – римская – предстаёт нам как достойный уважения и восхищения источник права. Fiat justitia et pereat mundus – пусть рухнет мир, но свершится закон, [7, с. 389] – эта крылатая латинская фраза лучшее свидетельство отношения к закону в некоторых империях. Однако история других империй оставляет серьёзные вопросы.

Как субъекты международного права национальные государства представляют некоторую общность, но как по своему генезису, так и по исторической судьбе они образуют различные группы. Важно признать, что само по себе национальное государство не исключает имперскую форму организации в ином регионе. Бельгия, Франция, Италия, Португалия – перед нами примеры типичных национальных государств европейского региона. Они же – колониальные империи за его пределами. Одни – успешные, другие – неудавшиеся.

Даже из этого краткого обзора ясно, что сравнение империи и государства может предполагать серьёзную терминологическую ловушку.

Чтобы хотя бы примерно обозначить, в чём состоит уникальность империи как политической единицы, обратимся к классике отечественной социологической мысли, к соотечественнику, профессионально исследующему смыслы социального и политического пространства – А. Ф. Филиппову. [12, с. 90]

«Государственно-политическое», по А. Ф. Филиппову, оформлено, поскольку речь идет о его очерченных границах, которые отделяют его не от неполитического, но от иной политической формы, иного государства… Его форма определяется изнутри, поскольку государство суверенно на своей территории. Его форма определяется и извне, поскольку все ведомое пространство занято другими государствами…. Однако во всяком случае граница остается социальным артефактом, поскольку разделяет на географическом узоре множество похожих друг на друга государств [12, с. 96].

«Имперски-политическое», по версии А. Ф. Филиппова отличается тем, что имперская фигура может, конечно, наблюдаемая извне, в особенности в нынешнем, глобализированном мире, быть неотличима от большого государства. Но смысл имперского пространства состоит в том, что изнутри империи оно созерцается как некий малый космос, встроенный в большой — совокупный порядок бытия, — но отнюдь не в систему международных отношений, где только взаимопризнание государств гарантирует сохранность границ. Пространство империи не нуждается в такой легитимации [12, с. 98] .

Хотя слова А. Ф. Филиппова следует рассматривать как одну из возможных интерпретационных версий, в ней всё же указаны аспекты различия смыслов «государства» и «империи».

Повторим ещё раз: мало того, что слово «государство» имеет в русском языке смысловые коннотации принадлежности, совершенно не совпадающие с смысловым объёмом западного аналога – state; само слово для обозначения административно–политических единиц (систем, структур), господствующих на определённой территории – всего одно. «Государство» у нас и полис, и феод, и абсолютная монархия, и капиталистическая республика, и традиционная (патримониальная) империя, и тоталитарная система, и кочевая империя и сверхдержава. Разумеется, смысл термина максимально размыт, потерян, бессодержателен. Империя – не государство в смысле state. Но она и не «государево». Она – специфически организованный административный субъект, действующий в пределах пространства, на которое способно распространить своё влияние.

Не претендуя на исчерпывающий характер заявленной проблемы, сформулируем следующие положения.

Империя – суть государство. Но она – не lo stato (state), хотя само state может быть её составной частью – метрополией. Империя – специфически организованный административный субъект, действующий в пределах пространства, на которое способно распространить своё влияние.

В конченом итоге противопоставление империи государству вообще, и, государству–нации в частности, лишено смысла и не только исторически, но и теоретически. Это – как противопоставлять целое части. Империя включает в себя современное государство, но универсальнее последнего.

Встаёт вопрос, как типологизировать их отношения. Необходимо определить такую черту, которая была бы общей для всех исторических государств. Хорошо бы выбрать «легитимность», но это окажется неправдой. В истории достаточно примеров существования государств даже без внутренней легитимности: они называются тираниями. К тому же, легитимность – скорее качество власти. «Суверенитет» на эту роль тоже не годится: не все государства современного мира обладают полным суверенитетом; то же можно наблюдать и в исторической ретроспективе. Осталось право на использование силы; вооружённой силы.

Макс Вебер, а за ним и Шмуль Эйзенштадт – лишь наиболее известные имена среди тех, кто определяет

государство через право или просто способность использовать силу [4, с. 20; 13, с. 34]. Но инструменты физического принуждения – полиция или армия являются именно инструментами, атрибутами у центрального государственного института – института администрирования.

В своей известной работе «Политика как призвание и профессия» Макс Вебер пишет: «дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства — физического насилия». [4, с. 20]

Не оспаривая Вебера трансформируем его формулировку: «дать определение государства как такового можно, в конечном счёте, только исходя из специфически используемого им, как политическим союзом, института администрирования».

Администрирование – общее свойство у всех государств человеческой истории. Даже номадические общества, в отношении государственности которых развиваются бурные дискуссии [5, с. 208], содержали этот институт, а именно систему отношений, в которой один субъект политического действия отдаёт приказ, а другой (или другие) его исполняет и следят за исполнением.

Если использовать критерий «администрирования» как общий для всех государств идентификатор, мы получим примерно следующую схему (рис. 1).

Сейчас не так важно, исчерпывающ ли список иных разновидностей государств (национального, феодального, племенного и полисного), полностью ли он терминологически корректен в научном смысле. Важно, что на онтологическом уровне в понятийном сегменте политической теории империя является государством, если последний термин используется как обозначение *класса* историко–политических акторов. При этом «империя» – термин, который соотносится уже с видовым обозначением нескольких исторических типов империй – континентальных, колониальных, номадических, сверхдержав и т. д. Прочие же государства относятся к иной разновидности историко–политических субъектов.

Отметим, что на историческом уровне такой дихотомии не наблюдается, поскольку каждый из перечисленных в этой схеме субъектов политической истории входил в империи, составляя либо центральную, либо периферийную её части. Так, в морской колониальной империи Новго Времени как особом подвиде имперских систем национальное государство выполняло функцию метрополии, а различные феодальные монархии и племенные союзы – колоний. Но это уже предмет отдельной дискуссии.

Литература:

1. Аристотель. «Политика. Афинская полития». М, Мысль, 1997. 343 с.
2. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М.: Магистр Инфра-М., 2010. 534 с.
3. Бади Б. От суверенитета государства к его жизнеспособности // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей: Пер. с англ. и фр. / Под ред. М. М. Лебедевой и П. А. Цыганкова. М., 2001. 238 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
5. Государство как произведение искусства: 150-летие концепции: Сб. статей // Институт философии РАН,

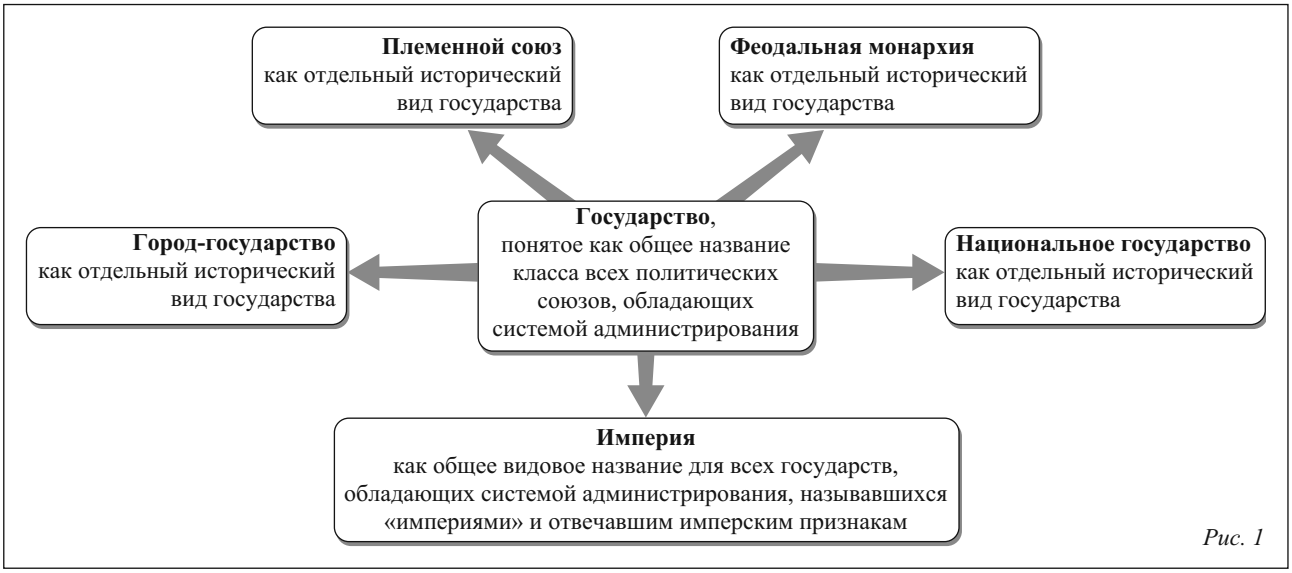

Рис. 1

Московско-Петербургский философский клуб; Отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: Летний сад, 2011. 288 с.
6. Гринин Л. Е. Политический срез исторического процесса. Государство и исторический процесс. М. Либроком. Изд. 2, испр. и доп. 2010. 264 с
7. Крылатые латинские выражения. 4000 знаменитых фраз, изречений, устоячивых выражений от великих авторов античности. Составитель – Цыбульник Ю. С. М.: ЭКСМО, Фолио, 2008. 430 с.
8. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с. (Филос. Наследие. Т. 103). 406 с.
9. Малков С. Ю. Логика эволюции политической организации государства. М.: Ком Книга, 2007. 345 с.
10. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 456 с.
11. Скиннер К. Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад, 2002. 218 с.
12. Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 89–120
13. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74).
14. Этцтони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М. Ладомир 2004. 298 с.
15. Claessen H. J. M. 1996. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. IV. New York. P. 1255
16. Jasay A. de. Against Politics. London: Routledge, 1997. P. 543.
17. John A. Armstrong, Nations before Nationalism (Ghapel Hill: University of North Carolina Press, 1982); Michael W. Doyle, Empires (Ithaca: Cornell University Press, 1986); Суни, Рональд Григор. Уроки империи: Россия и Совесткий Союз. / ПРОГНОЗИ∑, Номер 4 (8), Зима 2006, С. 136–161.

References:

1. Aristotle. “Policy. The Constitution of the Athenians”. M., Misl, 1997. 343 p.
2. Baburin S. N. World of empires: territory of the state and world order. M.: Magistr Infra-M., 2010. 534 p.
3. Badi B. From the sovereignty of the state to its viability // World policy and international relations in 199o-s: ideas of the American and French researchers: Transl. from English and French / Edited by M. M. Lebedeva and P. A. Tsigankov. M., 2001. 238 p.
4. Veber M. Selecta. M., 1990. 808 p.
5. State as a piece of art: 150th anniversary of the concept: Collection. of articles // Institute of philosophy RAS, Moscow-Petersburg Philosophical club; Editor-in-Chief A. A. Guseinov. M.: Letniy sad, 2011. 288 p.
6. Grinin L. E. Political aspect of a historical process. State and historical process. M. Librokom. Edition 2, changed and revised. 2010. 264 p.
7. Catch Latin phrases. 4000 famous phrases, aphorisms, set phrases by outstanding ancient authors. Compiled by Tsybulnik Yu. S. M.: EKSMO, Folio, 2008. 430 p.
8. Locke J. Compositions in three volumes: V. 3. M.: Misl, 1988. 668 p. (Philosoph. Heritage. V. 103). 406 p.
9. Malkov S. Yu. Logics of evolution of a political organization of the state. M.: Ком Kniga, 2007. 345 p.
10. Nozik R. Anarchy, state and Utopia. M.: IRISEN, 2008. 456 p.
11. Skinner K. Notion of the state in four languages: Coll. of articles / Edited by O. Kharhodin. StPetersb.: European university in StPetersburg; M.: Letniy sad, 2002. 218 p.
12. Fillipov A. F. Observer of an empire (empire as a sociological category and social problem) // Voprosy sotsiologiyi. 1992. № 1. P. 89–120
13. Eisenstadt Sh. Break of modernization // Emergency reserve. 2010. № 6 (74).
14. Etzioni A. From the empire to the community: a new approach to international relations. M. Ladomir. 2004. 298 p.
15. Claessen H. J. M. 1996. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. IV. New York. P. 1255
16. Jasay A. de. Against Politics. London: Routledge, 1997. P. 543.
17. John A. Armstrong, Nations before Nationalism (Ghapel Hill: University of North Carolina Press, 1982); Michael W. Doyle, Empires (Ithaca: Cornell University Press, 1986); Suni, Ronald Grigor. Lessons of empire: Russia and Soviet Union. / PROGNOZIS∑, Number 4 (8), Winter 2006, P. 136–161.